УДК 271.2

Г. А. Крамор

Практика закрытия православных церквей на рубеже 1920–1930-х годов на примере Юргинского района Уральской области

Аннотация. В статье рассмотрена практика закрытия православных церквей в пору коллективизации сельского хозяйства на рубеже 1920—1930-х гг. на территории Юргинского района Уральской области (ныне в составе Тюменской области и Ишимской епархии Тобольской митрополии Русской Православной Церкви), которая позволяет прийти к выводу, что данная кампания была инициирована не местным населением, а областными и союзными властями и проводилась с игнорированием мнения прихожан. В научный оборот вводятся прежде не исследованные дела из Государственного архива Свердловской области.

Ключевые слова: *Юргинский район, Ишимская епархия, закрытие церквей, коллективизация, эпоха богоборчества*

Для цитирования: *Крамор Г. А.* Практика закрытия православных церквей на рубеже 1920—1930-х годов на примере Юргинского района Уральской области // Церковь. Богословие. История. 2026. № 7. С. 193—200.

Сведения об авторе: Крамор Геннадий Андреевич — ученый секретарь МАУК «Ишимский музейный комплекс им. П. П. Ершова» (Российская Федерация, г. Ишим). *E-mail: gkr@rambler.ru*

1929-й, «год великого перелома», как охарактеризовал его Сталин применительно к переходу деревни на рельсы коллективизации, стал переломным и в отношениях государства и верующих. Не отличавшиеся теплотой в предыдущее десятилетие, они были окончательно испорчены утвержденным 8 апреля ВЦИК и СНК РСФСР законом «О религиозных объединениях». Как отмечает историк И. А. Курляндский, он стал «квинтэссенцией сталинского антирелигиозного, репрессивного законодательства», определив многое в дальнейшей судьбе религиозных организаций. В частности, еще по декрету «Об отделении церкви от государства» религиозные объединения не имели права собственности, молитвенные здания и предметы культа передавались им по договору, теперь же местным органам власти были предоставлены «широкие полномочия по расторжению таких договоров, а следовательно, отобранию у верующих имущества»[1].

[1] *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922—1953 гг.). М., 2011. С. 340.

© Г. А. Крамор, 2026

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся 11–17 ноября 1929 г., закрепил сталинский курс на коллективизацию и предполагал как окончательную борьбу с «правым уклоном» в партии, так и широкое развертывание движения за закрытие церквей, которые должны были официально обосновываться «тем, что поддержаны широкими массами»[2]. По подсчетам церковного историка прот. В. В. Цыпина, только в РСФСР было закрыто православных храмов в 1928 г. — 354, а в 1929-м — уже 1 119[3].

Как проводилась эта политика в Западной Сибири, красноречиво свидетельствуют документы о закрытии приходов на территории Юргинского района Тюменского округа Уральской области, которые сохранились в ГАСО и впервые вводятся в научный оборот.

Массовый характер кампании подчеркивает документ, в копиях присутствующий во всех делах. Это выписка из протокола № 55 заседания президиума Юргинского райисполкома от 31 декабря 1929 г. В этот предновогодний день были торопливо утверждены протоколы общих собраний земельных обществ о закрытии церквей в семи селах: Юргинское (Юргинский, Хмелевский, Новодеревенский сельсоветы), Бушуево (одноименный сельсовет), Плетнево (одноименный сельсовет; современное Северо-Плетнево), Чуманово (Лабинский сельсовет), Зоново (одноименный сельсовет), Бучинское (одноименный сельсовет; оно же Бучиха), Шипаково (одноименный сельсовет)[4]. К сожалению, дел о закрытии юргинской и чумановской церквей выявить не удалось.

Алгоритм действий власти во всех случаях был одинаков: 1) сбор протоколов собраний жителей на территории соответствующего сельсовета, долженствующий показывать энтузиастический отказ от «старого быта», 2) передача их в райисполком, формирование дела с включением акта осмотра здания техником и примерной сметой на переустройство, 3) оттуда дело шло на утверждение в окружной исполнительный комитет, 4) окрисполком отправлял дело в административный отдел Уральского облисполкома в Свердловске.

[2] *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия... С. 402.

[3] *Цыпин В. В., прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 188.

[4] Выписка из протокола № 55 заседания президиума Юргинского райисполкома от 31.12.1929 г. // ГАСО. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 871. Л. 17.

Решение областного исполкома становилось решением в последней инстанции.

Наиболее характерны истории закрытия плетневской и бушуевской церквей. Первой была проведена кампания по закрытию церкви в с. Плетнево. По состоянию на 1913 г. там стоял деревянный храм в честь святых апостолов Петра и Павла (1861), в приходе — 13 деревень, в четырех из них — часовни; всего же — 3 341 прихожанин[5].

Несмотря на обширность прихода, дело о закрытии церкви решилось малым числом голосов. Еще 12 октября состоялось общее собрание жителей с. Плетнево, на котором присутствовало 135 человек (из них 40 женщин). В президиуме — Шилов, Чемякин, Анунчин. Повестка дня состояла из одного пункта — «постройка нового клуба». Докладчик — тов. Бурлаков. Быстро выяснилось, что доклад посвящен вовсе не новой постройке, а «необходимости передачи церкви под культурно просвятительное учреждение». Политическую подкладку этой необходимости докладчик не скрывал: «...капиталистические „элементы“ в виде кулачества и церковников будут срывать осуществление пятилетнего плана строительства сельского хозяйства и промышленности». В ходе кратких прений некто Афанасий Комаров, к примеру, заявил, что «не надо сердиться, что церковь хочут отдать под клуб, т. к. наука далеко ушла вперед, и потому это рано или поздно должно быть». Под лозунгом «Да здравствует культура и борьба за коммунизм!» и «в ознаменование 12-й годовщины Октябрьской революции» собравшиеся постановили утвердить передачу[6].

Далее процесс сбора голосов слегка притормозился, и лишь 11 ноября состоялось «обчее собрание» жителей деревни Савиновой числом 32 человека (из них 8 женщин) под председательством Казанцева. Резолюция по второму вопросу — «о постройке клуба» — была краткой: «Постановили нестроит новой клуб а отдат церков»[7].

13 ноября тройка из тех же Казанцева, Чемякина и Анунчина возглавила собрание граждан деревни Заозерной. Присутство-

[5] Справочная книга Тобольской епархии. Тобольск, 1913. Ч. 2. С. 198.

[6] Протокол № 10 общего собрания селения Плетнево от 12.10.1929 г. // ГАСО. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 926. Л. 6–6 об.

[7] Протокол № 10 общего собрания дер. Савиной от 11.11.1929 г. // Там же. Л. 7.

вало 55 человек (из них 25 женщин). Повестка дня и резолюция как под копирку списаны с плетневского собрания. И тот же лозунг: «Долой религиозный дурман! Да здравствует культура!»[8].

В тот же день Чемякин, Казанцев и Гуров возглавили президиум собрания Лысановского земельного общества: 80 человек (20 женщин). Примечательно, что, несмотря на ремарку: «Вопросов еще много было, но негде писать», — секретарь собрания Казанцев (судя по почерку, это другой человек — однофамилец) счел нужным поместить в протоколе реплики гражданки Володиной, которая заявила: «Мы не будем отдавать [церковь] нужно собрание все три сельсовета, т. е. религиоз[ной] общ[ины]», — и гражданина Никифорова: «Они отдали часовни нас не спросили...»[9]. Конечно, их возражения были проигнорированы.

Собрания в других сельсоветах, похоже, так и не состоялись. Мнения членов религиозного общества, хотя бы той же «двадцатки», утвержденной законом 1929 г., никто и не подумал спросить.

25 января 1930 г. районный техник Георгий Петрович Шмидт в присутствии уполномоченного по строительству Александра Петровича Кудряшова составил акт «по обследованию здания бывшей церкви в с. Плетневском на предмет приспособления его для сельского кино-клуба». Примечательно, что «здание является каменным совершенно новое и капитального ремонта не требует. Зало вместительное...»; стоимость работ по переустройству (включая пристройку уборной) определялась в 1 400 руб.[10] Страховая стоимость — 7 220 руб.[11] Юргинский РИК давал гарантию, что необходимые на ремонт средства у Плетневского сельсовета имеются «и переоборудование будет произведено немедленно по получению окончательного оформления с передачей церкви для указанной цели»[12]. 9 марта административный отдел Тюменского окрисполкома переслал дело в Свердловск, дав положительную резолюцию на закрытие церкви[13].

[8] Протокол № 10 собрания граждан дер. Заозерной от 13.11.1929 г. // Там же. Л. 8–8 об.

[9] Протокол № 10 общего собрания граждан Лысановского земельного общества от 13.11.1929 г. // Там же. Л. 5–5 об.

[10] Акт от 25 января 1930 г. // Там же. Л. 10.

[11] Справка от 7.02.1930 г. // Там же. Л. 11.

[12] Справка // Там же. Л. 13.

[13] Докладная записка от 9.03.1930 г. // Там же. Л. 2.

Отметим особый драматизм происшедшего: закрыт был совсем новый кирпичный храм, построенный плетневцами в тяжелые годы революционной смуты! Ведь еще в последних доступных нам клировых ведомостях Ялуторовского уезда за 1915 г. говорится, что в селе стоит церковь деревянная, у которой «колокольня наклонилась на восточную сторону»[14].

Далее антирелигиозный каток проехался по храму с. Бушуевского. Он был выстроен из дерева и освящен во имя святителя и чудотворца Николая Мирликийского, в приходе — деревни Перевозкина, Маркелова и Хмелевка, всего прихожан — 3 395[15].

Здесь к делу закрытия храма подошли наиболее основательно. Его хронология открывается 30 ноября с подписки свящ. Александра Мясоедова: «Настоящей отказываюсь от своей службы в храме и от совершения разного рода требоисправлений»; подпись его удостоверялась председателем сельсовета[16].

В тот же день и на следующий, 1 декабря, прошел ряд собраний членов земельных обществ: российского (т. е. переселенческого) и сибирского (т. е. старожильческого) Бушуевского сельсовета, Старо-Бушуевского, Верхне-Хмелевского, Маркеловского, отдельно — бушуевской и маркеловской бедноты, членов сельхозартели «Дружок», Мандровского сельхозтоварищества, еще ряда деревень и, наконец, кружка «Безбожник» при бушуевском сельсовете и заседания бюро местной ячейки ВКП(б). Риторика постановлений была самая разнообразная, но во многих проводилась такая мотивация: как «ответ на нападки китайских белобандитов и правоуклонистов мы отвечаем 100 % коллективизацией нашего сельсовета и отдаем бушуевскую церковь под культурный очаг»[17].

Завершающим аккордом этой молниеносной кампании стал составленный 3 декабря акт «по обследованию печей», показавший неисправность церковных печей и дымоходов, отчего

[14] Клировая ведомость Петропавловской церкви с. Плетневского Ялуторовского уезда на 1915 г. // Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 512. Л. 199.

[15] Справочная книга Тобольской епархии. Тобольск, 1913. Ч. 2. С. 195.

[16] Подписка от 30.11.1929 г. // ГАСО. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 928. Л. 12.

[17] Протокол общего собрания граждан Старо-Бушуевского земельного общества от 30.11.1929 г. // Там же. Л. 18.

«может пролететь искра и пасть на парчу... лехко может получится пожар»[18].

Страховая стоимость здания определялась в 6 480 руб.[19] Стоимость переустройства здания под клуб техник Шмидт определял в 3 000 руб.[20] Необходимую сумму председатель сельсовета обещал собрать путем самообложения граждан[21].

А далее произошла длительная заминка в официальном утверждении Уральским облисполкомом решения о закрытии вышеупомянутых семи церквей Юргинского района: согласно информации на обложках рассмотренных нами дел, область одобрила их лишь 6 июня 1931 г.

Причиной этой заминки, как и самой антирелигиозной кампании стала, разумеется, не чья-то «инициатива на местах». 2 февраля 1930 г. папа Римский Пий XI выпустил послание с призывом к верующим всего мира о молитве за гонимую Русскую Церковь. Советское правительство не могло проигнорировать этот документ и, пытаясь опровергнуть его, как отмечает историк М. В. Шкаровский, на краткий период «свернуло некоторые уже подготовленные антицерковные акции»[22]. В частности, 14 марта ЦК ВКП(б) приняло постановление «О борьбе с искривлениями в колхозном движении», которое осуждало и перегибы на «антирелигиозном фронте» и предписывало «решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным движением населения»[23].

В итоге облисполком вернул материалы по закрытию церквей в Юргинский райисполком «для пополнения материалов». 18 апреля 1930 г. бюро районного комитета ВКП(б) рассмотрело возвращенные 7 апреля материалы на бушуевскую, юргинскую и бучинскую церкви. Констатируя, что они «в данное время все переданы под клубы», партийцы уверили облисполком, что закрытие церквей

[18] Акт от 3.12.1929 г. // Там же. Л. 35.

[19] Справка от 5.02.1930 г. // Там же. Л. 37.

[20] Акт от ?.03.1930 г. // Там же. Л. 38.

[21] Справка от ?.12.1929 г. // Там же. Л. 36.

[22] *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. С. 121.

[23] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 104.

«прошло при полном согласии абсолютного большинства населения без административного давления», о чем свидетельствует отсутствие «жалоб и ходатайств о возвращении церквей»[24].

25 мая административный отдел Тюменского окрисполкома направил эти материалы с положительным решением на утверждение президиума исполкома, которое состоялось 11 июля 1930 г.[25] Для подстраховки в тот же день прошло заседание окружной комиссии по рассмотрению жалоб верующих о возвращении церквей и церковного имущества с представителями окрисполкома, окрадмотдела, прокуратуры и ОГПУ. Комиссия постановила: «Материал о закрытии церкви утвердить. Просить область об утверждении, имея в виду, что церковь уже переоборудована и ходатайство о возврате со стороны верующих — не поступало»[26].

Резюмируя рассмотренные материалы по закрытию православных церквей на территории Юргинского района нынешней Тюменской области, можно прийти к выводу, что данная кампания была инициирована не местным населением, а областными и союзными властями. Их представители практически не учитывали мнение жителей сел и деревень при составлении протоколов общих собраний. Формулировки данных документов — стереотипно пропагандистские, настойчиво указывающие, что без закрытия церквей проведение коллективизации сельского хозяйства невозможно. Одним из аргументов к закрытию церкви декларировалось нежелание прихожан содержать здание, однако после его обращения в культучреждение бремя расходов по переустройству построек вновь ложилось на селян.

Сокращения

ГАСО — Государственный архив Свердловской области (г. Екатеринбург).

Источники и литература

Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 512.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 871, 926, 928.

[24] Выписка из протокола № 77 заседания бюро Юргинского районного комитета ВКП(б) от 18.04.1930 г. // ГАСО. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 928. Л. 9.

[25] Отпуск из адмотдела Тюменского окрисполкома от 25.05.1930 г. // Там же. Л. 8.

[26] Выписка из протокола № 3 заседания Тюменской окружной комиссии по рассмотрению жалоб верующих // Там же. Л. 7.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5.

Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011.

Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г. Тобольск, 1913. Ч. 2.

Цыпин В. В., прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. EDN QUXCRB

Gennady A. Kramor

The Practice of Closing Orthodox Churches at the Turn of the 1920s and 1930s on the Example of the Yurginsky District of the Ural Region

Abstract. The article examines cases of closure of Orthodox churches in the period of agricultural collectivization at the turn of the 1920s and 1930s, in the territory of the Yurginsky district of Uraloblast (now part of the Tyumen region and the Ishim diocese of the Tobolsk Metropolis of the Russian Orthodox Church). The author concludes that this campaign was initiated not by local population, but by regional and Union authorities and was conducted ignoring the parishioners' opinion. Previously unexplored cases from the State Archive of the Sverdlovsk Region are being introduced into scientific circulation.

Keywords: *Yurginsky district, Ishim diocese, closure of churches, collectivization, the era of atheism*

For citation: Kramor G. A. The Practice of Closing Orthodox Churches at the Turn of the 1920s and 1930s on the Example of the Yurginsky District of the Ural Region. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriia = Church. Theology. History,* 2026, no. 7, pp. 193–200. (In Russ.)

About the author: Kramor, Gennady Andreevich — Scientific Secretary of the Ishim Museum Complex named after Pyotr Ershov (Russian Federation, Ishim). *E-mail: gkr@rambler.ru*